

0 1 2 3 9 6 9 - 1

На правах рукописи

ХАСТЯН АНЖЕЛА АМБАРЦУМОВНА

**АРМЯНСКИЕ СУБОБЩНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ**

**Специальность 22.00.06 — Социология культуры,
духовной жизни**

**Автореферат
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Ростов-на-Дону—2001

0 7 2 3 9 6 9 -1

На правах рукописи

ХАСТЯН АНЖЕЛА АМБАРЦУМОВНА

АРМЯНСКИЕ СУБОБЩНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ

Специальность 22.00.06 — Социология культуры,
духовной жизни

Автореферат
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000977393

Ростов-на-Дону—2001

Диссертация выполнена на кафедре регионоведения и этносоциологии
Ростовского государственного педагогического университета.

Научный руководитель	<i>доктор социологических наук, профессор Денисова Г. С.</i>
Официальные оппоненты:	<i>заслуженный деятель науки России, доктор философских наук, профессор Давидович В. Е., доктор социологических наук, профессор Мостовая И. В.</i>
Ведущая организация	<i>Северо-Кавказская Академия государственной службы</i>

Защита состоится 14 ноября 2001 г. в 13.00 на заседании диссертационного Совета Д 212.206.03 по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

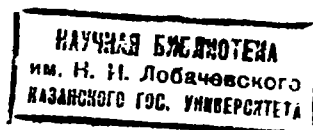
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке государственного университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

Автореферат разослан 14 октября 2001 г.

*Ученый секретарь
диссертационного Совета,
кандидат социологических наук,
доцент*

ХОРОНЬКО Л. Я.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Северный Кавказ на протяжении последних столетий является территорией активной миграции населения Армении. Здесь сложились устойчивые места поселения армян: амшенских, донских, ставропольских, черкесогоев и др. В 90-е годы, в связи с активными миграционными процессами, армянская часть населения Северного Кавказа значительным образом расширилась. Если армянские общины, сложившиеся на протяжении последних столетий, уже адаптировались к населению региона и внесли свой вклад в его культурное формирование и межкультурное взаимодействие, то новая миграционная волна армян несет с собой иные формы организации жизни, что не может не сказаться на социально-экономической стабильности в регионе.

Армянский миграционный поток 90-х годов затронул в наибольшей степени русский субрегион Северного Кавказа — Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, что объясняется в первую очередь напряженностью социально-политической обстановки в республиках региона, оттоком из них русского и русскоязычного (в том числе и армянского) населения. Большой наплыв армянских мигрантов в 90-х годах вызвал стремление государственных органов власти в различных субъектах административными мерами ограничить данный миграционный поток. Однако практика такого регулирования этого процесса в Краснодарском и Ставропольском краях **показывает** слабую эффективность данных усилий.

Вместе с тем исторический опыт развития и функционирования армянских субэтнических групп в различных районах Северного

Кавказа показывает высокий уровень их адаптивности к новым социальным и природным условиям. Поэтому необходим всесторонний анализ процессов *межэтнической адаптации и механизма интеграции* армянских субэтнических групп, укоренившихся здесь в историческом прошлом и составивших часть общего социокультурного пространства региона. Вместе с тем идеологическая зашоренность, свойственная отечественной науке (в том числе и этнографии), не позволяла долгое время при изучении процесса этнической ассимиляции рассматривать условия успешного вхождения этнической группы в полиэтнический регион при сохранении своей культурной самобытности.

Настоящее время, отмеченное поиском новой парадигмы национальной (этнической) внутренней политики, предъявляет новые требования к выбору стратегии управления межэтническими отношениями. Доминантой при этом выступает требование создания правовых и экономических условий для сохранения всего этнического многообразия населения страны при формировании единого культурного и гражданственно-правового пространства современного типа. Такой подход предполагает всесторонний анализ накопленного опыта межэтнического взаимодействия и моделей межэтнической адаптации различных субкультурных групп. Острой практической актуальностью данной проблемы обусловлен ее выбор в качестве предмета теоретического анализа.

Степень разработанности проблемы. В отечественной научной литературе проблемы этнических групп, отделившихся от “материнского этноса” и проживающих в районах нового расселения, как правило, в иноэтнической среде, долгое время не находились в поле внимания теоретического осмысления. Идеологическая установка, в которой декларировались принципы сближения народов и стирание культурных границ, проектировалась, скорее, на поиск все новых элементов сближения, нежели на изучение принципов функционирования этих групп. В настоящее время, когда в России вдруг обнаружилась тенденция к актуализации и усилению этнизации социальной жизни, этническая мозаичность населения страны стала предметом теоретико-методологического, социолого-политологического и правового анализа.

Этнологи и социологи стали рассматривать проблематику этнических групп этого типа, используя понятие “диаспора”. В этом ключе написаны работы известных авторов: В. А. Авксентьева,

В. А. Тишкова, Ж. Тощенко, А. О. Милитарева, Т. Чаптыковой¹. В них рассматриваются вопросы генезиса диаспор, причин их возникновения, географической локализации, этнокультурных отличий. Специалисты в области экономической географии и демографии рассматривают этот тип этногрупп в ключе экономических проблем, возникающих в регионах их расселения, и поэтому их работы посвящены проблемам миграции и адаптации мигрантов к условиям жизни на новом месте. В этом направлении широко известны работы крупных отечественных специалистов в области демографии — А. Г. Вишневского, Ж. А. Зайончковской и Л. Л. Рыбаковского, а также ученых из Ставрополя — В. С. Белозерова и С. В. Рязанцева².

В последнее десятилетие этнические группы, компактно расселенные в иноэтничном окружении вдали от своего материкового этноса, стали также предметом анализа и юристов. Они рассматривают правовое обеспечение организации жизни данных групп в понятиях “национального меньшинства”. Этот аспект привлекает внимание также и специалистов-этнологов³.

¹ Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Этнические группы и диаспоры Ставрополя. Ставрополь, 1997. Тишков В. Исторический феномен диаспоры//Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. 2000. № 1 (5), с. 3–17. Милитарев А. О содержании термина “диаспора” (К разработке дефиниции)//Диаспора. 1999. № 12, с. 23–34; Тощенко Ж. Диаспора как объект национальной политики//Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997., с. 79–89; Тощенко Ж., Чаптыкова Т. Диаспора как объект социологического исследования//Социс. 1996. № 12.

² Белозеров В. С. Современные миграционные процессы на Ставрополье (этнический аспект)//Вестник СГУ. Вып. 6 1996. Его же. Этнодемографические процессы в диаспорах на Северном Кавказе//Этнические проблемы современности. Вып. 4. Ставрополь. 1999; Вишневский А. Г. Распад СССР: этническая миграция и проблема диаспор//Общественные науки и современность. 2000. № 3 Зайончковская Ж. А. Проблемы прогнозирования миграции населения/Методология демографического прогноза. М., 1998. Ее же. Миграция населения России: новейшие тенденции/Проблемы расселения: история и современность. М., 1997; Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Внутророссийская миграция населения: нынешняя ситуация и прогноз//Социологические исследования. 1994. № 1. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья//Социологические исследования. 1996. № 11; Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация этнических мигрантов//Социально-экономические проблемы современного системного кризиса России. Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999, с. 108–114; Его же. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов//Общественные науки и современность. 2000. № 5, с. 73–95.

³ Андрейченко Л. В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию//Расы и народы. Вып. 24. М., 1998; Соколовский С. В. Понятие “коренной народ” в российской науке, политике и законодательстве//Расы и народы. Вып. 24. М., 1998; Ханнум Х. Пределы государственного суверенитета и мажоритарного правления: меньшинства, коренные народы и их право на автономию//Расы и народы. Вып. 24. М., 1998; Чешко С. В. Этнические меньшинства и национальная политика Российской Федерации//Расы и народы. Вып. 24. М., 1998.

Механизм функционирования этногрупп на локальном уровне применительно к изучению конкретных этнических общностей получил развитие в работах целого ряда современных отечественных исследователей. Здесь укажем на работу северокавказских исследователей под руководством Г. С. Денисовой “Ногайцы в контексте этнополитических отношений на Северном Кавказе: социальный статус и проблемы воспроизводства культурной самобытности”, в которой с разных аспектов (географического, валеологического, межкультурного взаимодействия) рассматриваются факторы, определяющие воспроизводство культурной самобытности этнической группы в инокультурном окружении¹.

В последние годы появился ряд работ, в которых поднимается проблема изучения диаспор различных этносов, исторически образовавшихся в том или ином районе Северного Кавказа, в число которых попадают и армянские диаспоры. В этом отношении известными являются работы ставропольских ученых, число которых пополнилось в последние годы монографией пятигорских исследователей Аствацатуровой М. А. и Савельева В. Ю. “Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах”².

Следует отметить, что именно по проблемам истории и культуры армян, проживающих за пределами Армении, накоплен обширный материал. Широкой известностью пользуются исследования армянского вопроса 19-20 веков: выявление исторических причин формирования армянской диаспоры за пределами Армении. Достаточно большое количество этнографических работ посвящено изучению специфики культуры армянских диаспор Юга России.³

В 90-х годах в Ростовской области и Краснодарском крае началось изучение сохранения и воспроизводства культуры армянских

¹ Ногайцы в контексте этнополитических отношений на Северном Кавказе: социальный статус и проблемы воспроизводства культурной самобытности. Ростов н/Д., 1999.

² Аствацатурова М. А., Савельев В. Ю. Армянская диаспора: пополнение и повышение активности//Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов-на-Дону—Пятигорск. 2000, с. 74—89.

³ Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995; Бондарь Н. И. Этнокультурная ситуация на Кубани//Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Краснодар, 1991, с. 169—182. Двести десять лет в единой семье (1779—1989). Чалтырь, 1989. Эдиссия. М., 1993. Мелконян Э. Л. Армянская семья в условиях диаспоры//Советская этнография. 1988. № 6. Минасян М. Армяне Причерноморья. Ереван, 1990; Симонян Р. А. Едесия — Эдиссия. Историко-этнографический очерк (к 200-летию создания села). Эдиссия. 1998.

поселений.¹ Многие монографические исследования, направленные на анализ проблем исторической этнологии, этнографический анализ населения Северного Кавказа, имеют отдельные главы, посвященные армянским субобщностям в регионе.² В этих исследованиях освещается специфика культуры и быта армян Северного Кавказа, а также сравнивается их культура с культурой Армении. Данные работы являются необходимым источником для анализа современного состояния армянской диаспоры в регионе. Однако специфики адаптации армянских диаспор к условиям Юга России в отличие от других этносов, равно как и влияния на этот процесс новых мигрантов из Армении и перспектив их адаптации, — весь этот комплекс проблем пока еще крайне слабо разработан.

Обозначенные теоретико-методологические подходы, направленные на выявление различных аспектов функционирования этногрупп, расселенных в иноэтничном окружении вне территории своего этногенеза, а также накопленный историко-этнографический материал по проблемам армянских диаспор, позволяют зафиксировать проблему более широко: о выявлении способов и типов адаптации данного вида этногрупп к иноэтничному населению и формировании полиэтничной региональной целостности населения.

Исследование этой проблематики предполагает, помимо опоры на исторический и этнографический материал, использование методов этносоциологических исследований и изучение ее в рамках социологической теории социальных общностей. Но именно этот подход не является разработанным в отечественной науке. На существенное восполнение этого пробела и направлено данное диссертационное исследование.

Объектом исследования в работе выступают армянские этнокультурные общности, расселенные в русском субрегионе Северного Кавказа — в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

В качестве **предмета исследования** выделен процесс адаптации армянских общностей к социально-экономическим и культурным условиям жизни на Юге России.

Теоретико-методологической основой исследования стали принципы системного анализа при изучении функционирования ар-

¹ Межэтнич. отношения. Опыт социолог. анализа. Р-на-Д.1991; Армяне Северного Кавказа. Ч. 2. Краснодар. 1994., Багдасарян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван., 1996.

² Лурье С. Историческая этнология. СПб., 1998., Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: «Наука», 1978., др.

мянских общностей, социологическая теория социальных общностей, основные положения аксиологического анализа. В процессе исследования были использованы такие методы, как конкретно-исторический, сравнительно-исторический, и следующие эмпирические методики сбора социологического материала: метод опроса, интервью, демографической статистики. В *теоретическую основу* исследования вошли работы ведущих отечественных и зарубежных учёных по теории культуры¹, этническим проблемам современности: работы С. В. Лурье, В. А. Тишкова, Ж.Тощенко. *Эмпирической основой* исследования являются результаты социологических и социально-психологических исследований, проведённых автором в ряде регионов Северного Кавказа, а также вторичный анализ эмпирических данных иных исследований, проведённых по проблемам межнациональных отношений, в частности, исследование С. Рязанцева (1999–2000), комплексное исследование межэтнических отношений в местах компактного поселения армян в Ростовской области, выполненное под руководством проф. Г. П. Предвечного (1989–1990).

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (00-03-96025 за 2001 г.).

Целью диссертационной работы является анализ факторов, определяющих эффективность социокультурной адаптации армянских субэтнических групп на Юге России, и формирование их в качестве региональных этнокультурных субобщностей.

Достижение выдвинутой цели предполагает реализацию следующих исследовательских *задач*:

1) проанализировать методологические подходы к изучению этнокультурных общностей, локализованных в иноэтничном окружении, и сформировать понятийный аппарат исследования;

2) выявить социальные функции этнокультурных общностей, сохраняющихся в иноэтничном окружении;

3) методом компаративного анализа изучить различные формы процесса социальной интеграции армянских диаспор, локализованных в районах степного Предкавказья (Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области);

4) выявить и проанализировать факторы, определяющие становление диаспор в региональные этнокультурные субобщности;

¹ Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М., 1998; Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979; Давидович В. Е. В зеркале философии. Ростов н/Д., 1998; Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996; Культурология XX в. Антология. М. 1995; Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

5) выявить сходства и различия между региональными субобщностями армян Юга России и армянами новой миграционной волны 90-х годов;

6) определить перспективные цели адаптационных стратегий административных органов в работе с армянами-мигрантами.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в теоретической разработке и концептуализации функций армянской диаспоры как этнической субобщности в транзитивном российском обществе с использованием теоретико-методологических средств современной социологии. Прирост полученного в результате проведенной работы нового знания конкретизируется в следующем:

- обоснована необходимость введения понятия “региональная этнокультурная субобщность”, в содержании которой доминирующее значение имеют ценности и нормы регионального культурного сообщества;

- выявлены функции региональных этнокультурных субобщностей, к которым можно отнести культурную дифференциацию и культурную интеграцию;

- показаны различные формы процесса адаптации армянских субэтнических групп в разных районах Северного Кавказа — ассимиляционный (причерноморские армяне, черкесогаи), аккомодационный (донские армяне), изоляционистский (эдиссийские армяне на Ставрополье);

- выделены экзогенные и эндогенные факторы, определяющие эффективную модель этнокультурной адаптации, — перехода диаспоры в состояние этнокультурной региональной субобщности;

- показаны культурные и социально-психологические различия региональных субобщностей армян Юга России и групп армян-мигрантов, переселившихся в регион в 90-х годах, создающие психологические барьеры для интеграции мигрантов в сложившиеся локальные армянские субобщности;

- уточнены стратегические цели работы административных и социальных служб с армянами-мигрантами новой волны, которые должны быть нацелены на постепенную трансформацию диаспорного сознания мигрантов в сознание региональной субобщности.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

1. Описание современного состояния исторически укоренившихся на Юге России субэтнических групп в рамках социологической теории требует введения нового понятия — региональные этнокуль-

турные субобщности. В отличие от понятий “диаспора” или “субэтнос”, используемых этнологами для характеристики “оторвавшихся” или культурно-специфических групп по отношению к материальному этносу, понятие “региональная этнокультурная субобщность” делает акцент на универсальных культурных стандартах и нормах регионального сообщества, которые стали доминантными по отношению к этническим стандартам и нормам, поддерживаемым различными субэтническими общностями, взаимодействующими в конкретном регионе.

2. Основными функциями региональной этнической субобщности являются интеграция и дифференциация, посредством которых осуществляется приписывание представителям субгруппы культурно-определяющих признаков, позволяющих индивидам воспринимать свою этническую принадлежность и консолидироваться на этой основе в субгруппу для поддержания культурной самобытности, с одной стороны, и обеспечения при этом вхождения индивидов в региональное сообщество на базе региональных стандартов и норм — с другой.

3. Равновесный баланс функций культурной дифференциации и интеграции лежит в основе формирования субэтнических групп как региональных этнических субобщностей. На базе этого равновесия развивается процесс аккомодации — взаимного приспособления этнической группы и иноэтнического окружения. Нарушение этого равновесия ведет к культурной изоляции или ассимиляции субэтнической группы. Сравнительный анализ функционирования региональных субэтнических групп армян на Юге России показывает, что по модели аккомодационного процесса развиваются донские армяне (Ростовская область), причерноморские армяне и черкесогаи (Краснодарский край) как субэтнические группы были ассимилированы, эдиссийские армяне (Ставропольский край) функционируют по модели изоляционизма. В условиях городской урбанизированной среды локальные этнические сообщества размываются, сохраняясь в качестве “экономических корпораций”, консолидированных по этническому признаку.

4. Формирование локальных этнокультурных групп армян как региональных субобщностей Юга России было определено рядом факторов. К группе эндогенных (внутренних) факторов можно отнести:

- формирование локальной общности на основе выходцев из одних и тех же мест, что позволяет им на новом месте поддерживать уже сложившиеся культурные характеристики;

- определенную, достаточно значительную численность группы, позволяющую постепенно сформировать разветвленную полную социально-профессиональную структуру;

- сохранение этнических святынь, выполняющих функции этнических маркеров и консолидирующих субэтническую группу.

К группе экзогенных факторов можно отнести:

- возможность сохранения этнопрофессиональных форм деятельности, которые выступают основой для развития тенденции экономической интеграции диаспоры в региональное сообщество по принципу хозяйственной дополнителности;

- открытость в регионе каналов социальной мобильности (образование, межэтническая брачность и др.) для представителей любой национальности;

- правовые возможности реализовать специфические культурные потребности (образование на национальном языке, отправленные религиозных и этнических обрядов, трансляция культуры на национальном языке).

5. Армянские мигранты волны 90-х годов отличаются от региональных субобщностей армян Юга России этническим самосознанием, языком, а также внутренней сплоченностью, достаточными финансовыми ресурсами и склонностью к рискованным стратегиям экономической деятельности, что вызывает конкуренцию за ресурсы на рынках труда и услуг, способствует развитию коррумпированности чиновников, порождающей перераспределение сфер влияния, монополизацию прибыльных сфер экономической деятельности этническими группами и углубление социального неравенства.

6. Выявленные негативные следствия миграции армян 90-х годов приводят к накоплению социальной напряженности на почве межэтнических отношений и требуют от административных органов разработки адаптационных стратегий. Они должны быть нацелены, во-первых, на трансформирование новых диаспор в региональные субкультурные общности и, во-вторых, на формирование экономической основы для благоприятного климата межэтнических отношений.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в работе выявляются факторы культурной дифференциации и интеграции этнической субобщности, анализ которых важен для компетентной реализации программ государственного строительства, направленной на достижение гомогенной гражданской общности населения страны. Поэтому результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти различного уровня и органами самоуправления для разработки программ культурной адаптации групп этнических мигрантов.

Результаты исследования могут быть использованы также в разработке лекций по курсам “Этносоциология”, “Этнопсихология”, “Регионоведение”, “Этнология” и спецкурсам.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на региональных и внутривузовских научных конференциях в 1997–2001 гг. Результаты исследования опубликованы в статьях и брошюрах общим объемом 12 п. л. Материалы исследования используются в процессе преподавания общего курса социологии и спецкурсов по этносоциологии в Туапсинском педагогическом колледже и Туапсинском филиале Ростовского государственного педагогического университета.

Структуру диссертации составляют введение, две главы, включающие 7 параграфов, заключение, приложение (включающее 27 статистических таблиц) и список литературы из 160 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, формулируются цель и задачи, новизна и основные положения, выносимые на защиту, излагаются методы исследования.

В Главе 1 «Теоретико-методологические проблемы анализа этнических субобщностей» осуществляется критический анализ существующих теоретических подходов к исследованию этнической субобщности с позиций реализации ею функций культурной дифференциации и интеграции.

В первом параграфе «Понятие этнической субобщности» критически анализируются объективный и субъективный (инструменталистский и примордиалистский) подходы к исследованию этнической общности и субобщности в отечественной и западной социологии. В соответствии с объективным подходом, воспроизводство атрибутивных характеристик этнической общности рассматривается в зависимости от объективных условий как мотивированное или ситуативное. Ограниченность объективного и субъективного подходов заключается в том, что устойчивость этнических общностей и их динамика рассматриваются изолировано. Попыткой преодоления ограниченности объективного подхода явился факторный анализ проблемы воспроизводства культурной целостности этнической общности, позволяющий исследовать ее в динамике.

В соответствии с факторным подходом к исследованию этнической субобщности, причинами ее культурного воспроизводства является связь с исторической родиной, поскольку она выступает основанием коллективной идентичности. Подобная позиция имеет традиционные методологические основания объективного подхода, то есть субэтническая общность рассматривается как «центристская», обладающая определенным местом исхода и обязательной связи с этим местом.

Эта позиция подвергается критике инструменталистами, выявляющими современные тенденции политических предпочтений этнических субобщностей, которые указывают на то, что «родина» становится предметом рационального выбора, а не исторически детерминированного предписания. Однако большинство эмпирических исследований свидетельствуют не столько об ориентации этнических субобщностей на культуру материнского этноса и желание возврата, сколько выявляют стремление воссоздать культуру, часто в обновленной форме, в различных местонахождениях. Поэтому источником культурного воспроизводства этнической субобщности является не столько связь с исторической родиной, сколько поддержание коллективных представлений, памяти или мифа о «первичной родине», находящее свое выражение в специфическом стиле жизни.

Выявление особенностей внутренней организации этнической субобщности позволяет ее исследовать с позиций социальной интеграции как социального вхождения в общественную систему. Межэтническое взаимодействие выступает необходимым условием выживания и последующей социально-экономической адаптации членов этнической субобщности на новом месте жительства. Воспроизводство социально-профессиональной структуры способствует преодолению культурного отчуждения членов субобщности. Идентификация членов субобщности с представителями других этносов осуществляется с позиций возможности осуществления социальной карьеры. В этой ситуации социальная стратификация общества воспринимается в ее этническом составе.

Во втором параграфе главы «Культурная дифференциация этнической субобщности как сохранение культурной самобытности» выявляются уровни этнической идентичности членов субгруппы. Функция культурной дифференциации заключается в приписывании субгруппе культурно определяющих признаков, позволяющих индивидам воспринимать свою этническую принадлежность. Культурная самобытность региональной этнической субобщности

рассматривается в двух аспектах: генеалогическом и нормативном. В генеалогическом аспекте культурная самобытность заключается в связи, с одной стороны, с актуальной или мифической этнической родиной, а с другой — с регионом проживания, следствием чего является специфически смещенное генотипическое воспроизводство.

В нормативном аспекте культурную самобытность региональной этнической субобщности образуют конвенциональные нормы, представляющие обновленную версию культурных норм материнского этноса с учетом специфики местонахождения субэтнической группы, тогда как отчужденность от иноэтничного окружения образует основу идеологически выраженных идеальных норм.

Конвенциональные и идеальные нормы имеют объективное и субъективное выражение в групповом стиле и менталитете. К характерным особенностям группового стиля и коллективных представлений этнической субобщности относится их динамичность, следствием чего является подвижность оценок и социальных установок ее членов.

Разнообразие стилей жизни и менталитетов этнических субгрупп актуализирует проблему этнической идентичности как признание членами общности своей принадлежности к этносу на основе сравнения с иноэтническим окружением. На первом уровне этнической идентичности чувство принадлежности к этнической группе формируется посредством этнонима, а язык выступает посредником между культурным запасом знания и непосредственным контекстом ситуации этнического различия. Специфика идентичности этнической субобщности этого уровня заключается в том, что при формировании этнонима используется эбоникс — диалект, который символизирует групповую идентичность, становится ее эмблемой, особенно когда существует контакт с другими группами, чьи образы жизни являются отличными.

На втором уровне идентичности механизмами этнического осознания принадлежности к общности в виде убеждений и установок являются подражание и приспособление. Динамичный характер оценок и социальных установок членов этнической субобщности вызван ориентацией на обычаи и религиозные верования, сложившиеся в ходе исторической практики, а не на заимствованные у материнского этноса. Поэтому высокая степень интенсивности переживания этнического чувства ведет к демонстрации манифестируемой принадлежности к этнической субобщности.

Третий уровень идентичности предполагает развитие этнического самосознания, то есть сознание принадлежности к общности в

результате знания ее истории. Культурная дифференциация этнической общности создает лишь возможность интеграции в социальную систему этнической субгруппы, сохраняющей свою самобытность. На уровне личности этнодифференцирующие процессы способствуют сохранению образцов этнической принадлежности и формирования этнической идентичности субобщности; на уровне этнической субгруппы осуществляется трансляция символов, сложившихся в ходе исторической практики данной субгруппы; на уровне общества преобладают культурные ценности, которые оправдывают нормативный порядок и мотивацию ролевого поведения членов этнической субобщности.

В третьем параграфе «Процессы социальной интеграции этнической субобщности» исследуются возможности вхождения этногруппы в общественную систему при сохранении своей культурной самобытности. Основой социальной интеграции этнической субобщности являются территориальный и стратификационный принципы. Компактность поселения небольших этнических субгрупп позволяет, с одной стороны, противодействовать политике властей искусственно, ранжировать ареалы расселения, а с другой стороны, — оказывать поддержку членам субобщности. Стратификационный принцип социальной интеграции этнической субобщности позволяет им включиться в нормативно регулируемые отношения ответственной зависимости, в которых происходит создание, обмен и присвоение благ и услуг.

Процесс экономической адаптации этнической субобщности в зависимости от внутренних и внешних условий (отношения коренного населения и властей к членам этнической субобщности; особенности проявления их предпринимательской активности) имеет три стадии: маргинализации, развития этнического профессионализма, стабилизации.

В основании социальной мобильности этнических субобщностей как автономных меньшинств является не соответствующий иноэтническому окружению образ жизни, сопровождающийся поиском или созданием «экономических ниш», где востребована их профессиональная компетентность, что обеспечивает им независимое экономическое и политическое положение. Подобная ситуация вызвана независимостью от референтной группы в лице иного этнического большинства.

Географический и стратификационный принципы интеграции этнической субобщности в социальную систему обуславливают специфику ее социального взаимодействия с коренным этносом. Для

этнической субобщности характерна интраэтническая коммуникация, когда отношения между этническими фракциями внутри данного этноса дополняются пограничным состоянием субобщности по отношению к иноэтническому окружению. Коммуникативные барьеры социальной интеграции этнической субобщности в виде бытовой и институциональной дискриминации ведут к возникновению социального напряжения межэтнических отношений.

Функции культурной интеграции и культурной дифференциации находятся в равновесии, когда интересы этнической субобщности и иноэтнического окружения совпадают. Этот процесс в социологическом знании получил определение аккомодации — взаимного приспособления интересов индивида, социальной группы и общества в формах нормативных установлений на основе терпимости как признания и принятия основных систем ценностей новой среды. Нарушение этого равновесия ведет к культурной изоляции или ассимиляции этнической субобщности. Тенденция к культурной изоляции этнической субобщности, как ограничение ее взаимодействия с другими этническими группами, усиливается в случае угрозы вмешательства государственных структур в экономическую и культурную жизнь. Государственная политика ассимиляции направлена на этническое слияние посредством принятия этнической субобщностью ценностей и норм культуры доминирующей общности, тогда как этническая практика ассимиляции вызвана ослаблением связей членов этнической субобщности вследствие успешной социально-экономической адаптации, предполагающей отказ от прежних ценностей и поведенческих образцов в обмен на стандарты преобладающей в обществе культуры.

Тенденция устойчивости этнической субобщности к ассимиляционной политике и политике искусственного ранжирования ареалов расселения предполагает осуществление аккомодационной политики устранения коммуникативных барьеров интеграции этнической общности в социальную систему (макроуровень). Различные типы межэтнического взаимодействия связаны с отношением коренного населения к членам этнической субгруппы и особенностями их консолидации — маргинальной, изоляционной и адаптационной позициями (мезоуровень). Стабильность социальной позиции индивида как члена этнической субобщности обеспечивается горизонтальной и вертикальной структурой этнической стратификации при ассимиляционных и изоляционных процессах, тогда как процесс аккомодации стимулирует ориентацию на обновление образования, что

выступает механизмом преодоления этнической стратификации и благоприятствует выбору социальной карьеры (микроуровень).

В Главе 2 «Особенности функционирования армянских суб-общностей на Северном Кавказе» исследуются культурно-дифференцирующая функция диаспор и интеграционные процессы, в которые включены армянские диаспоры Ставропольского, Краснодарского краев и Ростовской области.

В первом параграфе «Культурная дифференциация и интеграция армянской диаспоры Ставропольского края» исследуются функции армянской диаспоры Ставропольского края. Их изучение свидетельствует о нарушении внешней и внутренней сторон процесса аккомодации: реализации этническими меньшинствами видов профессиональной деятельности, к которым они исторически предрасположены, и успешной адаптацией мигрантов к условиям проживания в иной социокультурной среде. Исторически экономическая деятельность армянских групп в иноэтничном окружении проявляется в предпринимательстве в таких сферах деятельности, как торговля и сфера услуг. Этнопрофессиональные интересы обусловлены конкурентоспособностью, которая вызвана многочисленными целенаправленными усилиями по обустройству жизни: созданию доходных мест работы, высокого уровня семейного достатка, престижного образования детей. Успешная адаптация армянской диаспоры к условиям проживания в Ставропольском крае была связана с отсутствием здесь жесткой конкуренции, чему способствовали объективные условия края: удачные природно-климатические свойства, развитое сельское хозяйство, сформировавшаяся система городских поселений с невысокой плотностью населения.

С середины 90-х годов фиксируется «всплеск» количества армян, желающих иметь свой бизнес, который сопровождался нахождением и занятием свободных рыночных ниш. Поэтому этническое предпринимательство обеспечивало не только успешную социально-экономическую адаптацию мигрантов-армян, но и стало эффективным каналом их социальной мобильности. В этой ситуации благоприятные объективные условия выражались в многонациональном составе населения региона; большой численности русских, к которым армяне испытывают исторические симпатии; значительной доли христианского православного населения, среди которого армяне чувствуют себя в безопасности, непопулярностью и непрестижностью в русской среде на протяжении долгого времени коммерческой деятельности (за исключением староверов, из которых по преимуществу формировалось купечество), что формировало

совместимость сфер этнической экономической деятельности по принципу дополнительности.

Автор подробно останавливается на рассмотрении факторов, обусловивших развитие тенденции этнической изоляции эдиссийских армян на Ставрополье, среди которых выделяются природные (климатический и географический), разнообразие полиэтнического окружения с незначительной долей русскоязычного населения. Культурная изоляция эдиссийской армянской диаспоры обусловила самостоятельное хозяйственное производство товаров и услуг, необходимое для жизни членов диаспоры: возделывание зерновых культур, производство молока и мяса, бытовое обслуживание. Это позволило членам армянской диаспоры ограничить взаимодействие с другими этническими группами.

Возникновение с середины 90-х годов дискриминационных барьеров социальной интеграции армянской диаспоры, вызванных конкуренцией за материальные ресурсы с титульными этносами и новой волной армянских переселенцев, ведут одновременно к двум процессам — ассимиляции и культурной замкнутости. Усиление тенденций ассимиляции вызвано конкуренцией за территориальные и финансовые ресурсы, которые проходят более успешно для представителей коренных народов, нежели представителей армянской диаспоры. Она возникает и как реакция на новую волну армянской миграции из сопредельных с Россией территорий, имеющей эвакуационный и стрессовый характер и ведущей к разрушению гомогенной этнокультурной среды армянской диаспоры.

Другой тенденцией, вызванной стрессовой волной новых армянских мигрантов, является развитие тенденции возрождения этнического самосознания и поддержание субэтнических границ. Важным проявлением этой тенденции явилось формирование этнокультурной автономии ставропольских армян, выступающих органом консолидации и посредником между коренным армянским населением и административными органами края.

Во втором параграфе *«Ассимиляционная тенденция в функционировании армянской субобщности Краснодарского края»* рассматривается история формирования и функционирование на территории Краснодарского края двух исторически сложившихся крупных армянских субэтнических групп — черкесогаев (армавирских) и амшенских (причерноморских) армян.

Автор обращает внимание на такие особенности формирования черкесогаев, как дисперсность расселения, высокую долю межэтнических браков, разнообразие субэтнических групп, из которых

вышли черкесоган. Все эти причины привели к размыванию этнического ядра исторической памяти и исторического самосознания черкесоганов. Сначала элементы черкесской, а затем русской культуры не только проникали во все сферы их жизни, но и стали преобладающими, вплоть до языковых диалектов. Поселение во второй половине XIX в. на перекрестке торговых и экономических путей Юга России (г. Армавир) привело к усилению ассимиляционной тенденции. Сегодня с ней уже не идентифицируют себя армяне, живущие в этом районе.

Другая субэтническая группа — амшенские армяне — также формировалась как гетерогенная общность. В зависимости от мест их выхода среди них выделялись трапезундцы, ордуицы и джаникцы. Гетерогенность армянской диаспоры определяла внутригрупповые различия в этнической психологии и моделях поведения, а также сложную языковую (диалектную) ситуацию¹.

В советский период — с 1926 по 1953 г.г. в составе Краснодарского края функционировал Армянский национальный район, объединявший 68 сел и хуторов семи сельсоветов, в которых проживало 6026 армян. В районе имелись национальные школы, велись радиопередачи на армянском языке, выходила армянская газета. Вообще же в Краснодарском крае на 1953 г. функционировало 140 национальных армянских школ (в составе района и вне его). Численность армян в местах компактного исторического заселения в Краснодарском крае возрастала быстрыми темпами, достигнув к 1979 г. 120,8 тыс. человек,² а к 1989 г. — 182,6 тыс. человек³.

Соседство с русским населением позволило армянам и на Кубани сохранить и развить хозяйственную деятельность в определенном секторе экономики — в крупно- и мелкооптовой торговле; армяне являются совладельцами и собственниками средних и малых предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, автотранспортными предприятиями. И в настоящее время значительное число амшенских армян входят в финансовые и инвестиционные компании края, нередко многие из них занимают руководящие должности в коммерческих банках. Также распространено со владение акционированными банками.⁴

¹ Минасян М. Армяне Причерноморья. Ереван, 1990, с. 121.

² Бондарь Н. И. Этнокультурная ситуация на Кубани // Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Краснодар, 1991, с. 171.

³ Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12.01.89. Краснодар, 1989, с. 11.

⁴ Межэтнические отношения в Краснодарском крае. Краснодар, 1998, с. 385.

Успешная экономическая интеграция способствовала заметному нарастанию близких культурных черт армянского и русского населения. Автор подробно рассматривает различные черты культурных заимствований армянами у русских, изменение типа армянской семьи и приближение его к типу русской семьи; нарастание языковой общности и выравнивание диалектных различий, динамику межэтнической брачности.

Усиление ассимиляционной тенденции проявляется во внешних чертах быта и в самосознании армян. Так, традиционные сельские армянские поселения на побережье Черного моря в настоящее время опустели: молодежь преимущественно переехала в города (Туапсе, Сочи, п. Лазаревское) или ведет «маятниково-миграционный» образ жизни (работают в городе, живут в сельских населенных пунктах). Эта установка молодежи разрушила компактность поселений амшенских армян. Но даже в сохранившихся компактных поселениях средством межличностного бытового (не говоря о других сферах) общения выступает русский язык.

Ассимиляционный процесс отражен и в этническом самосознании армянского населения. Так, проведенный в Туапсинском районе опрос армянского населения показал, что значительная часть опрошенных осознает размывание этнической культуры. Только около 17% респондентов отметили бесспорное, с их точки зрения, сохранение культуры амшенских армян. Почти четвертая часть опрошенных (24%) считают ее постепенно забывающейся, уходящей из жизни. Этот же процесс, но в более оптимистических тонах, фиксирует еще 55,3% опрошенных, которые отметили, что культура причерноморских армян «сохраняется, но обогащается элементами русской культуры». С этой позицией коррелирует и оценка представителями причерноморских армян подрастающего поколения как носителей культурной традиции: 30,7% из числа опрошенных в 2001 г. отметили, что армянские дети «являются примерно в равной степени носителями элементов армянской и русской культуры»; еще 47,3 % считают, что «в культурном плане они больше сливаются с русской культурой».

Автор подробно рассматривает такие проявления ассимиляционного процесса, как степень распространенности поддержания национальных традиций и обрядов, забывание языка, высокий уровень атеистичности, недостаточно высокую популярность идей воспроизводства этнической культуры причерноморских армян на уровне школы.

Третий параграф «Донские армяне: специфика интеграционного процесса» посвящен рассмотрению истории становления субэтнической группы донских армян. Донские армяне являются относительно гомогенной локальной группой, компактно проживающей в условиях иноэтничного окружения на территории Ростовской области. В советский период они тоже обладали статусом национального района, затем, при ликвидации этого типа административных единиц, сохранили его номинально.

Эффективная экономическая адаптация донской армянской диаспоры связана и здесь с отсутствием жесткой конкуренции русского населения в сферах традиционной экономической деятельности армян — торговли, отдельных видах ремесел. Важнейшими факторами интеграции донских армян в иноэтничное окружение являлись первоначально (до революции) правовое обеспечение социального статуса компактного поселения, развитие двуязычия, устремление к высокому уровню образования, высокая доля межэтнических браков.

Образование и высокая степень развития двуязычия выступили для донских армян на протяжении всего исторического периода функционирования каналами социальной мобильности, позволяющими занять руководящие хозяйственные должности, пользующиеся престижем. В последние годы снижение устойчивого процента и увеличение количества разводов в межнациональных браках, а также изменение приоритета сложной, трехпоколенной семьи на простую (бинарную), свидетельствуют о тенденции локализации донской армянской диаспоры.

Сохранению и воспроизводству культурной самобытности донских армян способствуют сохранение компактности их проживания в условиях сельской местности, трансляция и поддержание знания истории Армении и истории донских армян. В 60–80х г.г., с упразднением культурных институтов (национальных классов, газет, радио), трансляция этого знания осуществлялась через устную традицию. Следствием нарушения функционирования культурных институтов явилась ограниченность владения донскими армянами литературным армянским языком и снижением предпочтений в отношении современной армянской культуры. В настоящее время возобновилась деятельность культурных институтов, осуществляющих преподавание литературного армянского языка и истории этого народа. Сохранение бытовых традиций — семейной, похоронно-поминальной обрядности, а также армянской кухни свидетельствует о воспроизводстве донских армян как локальной группы.

Анализируя факторы, способствующие сохранению культурной самобытности донских армян при высоком уровне их интегрированности в регионально культурное сообщество, автор подчеркивает важность одновременности и совместности исторического освоения данного региона русским (не казачьим) и армянским населением. Поэтому региональное культурное сообщество здесь формировалось **как сплав** различных субкультурных групп: донского казачества, преимущественно русских сельских крестьянских поселений, купечески-ремесленного преимущественно русского городского населения (Ростов-на-Дону, Таганрог) и армянской диаспоры, включающей городское (Нор Нахичевань) и сельское население.

Эта особенность, наряду с гомогенностью самого армянского населения, вышедшего из одного региона (Крыма), привела к формированию сознания укорененности данной субэтнической общности на донской земле, что отражается на их групповом самочувствии. Опрос, проведенный среди донских армян в сельских населенных пунктах Неклиновского района в 2001 г., позволил выявить специфические отличия этой группы армян по отношению к причерноморским армянам.

Среди них — феномен восприятия территории проживания как «родной земли». Для донских армян этот признак в 2,5 раза более значим, чем для причерноморских (21,2 % и 9,3% соответственно). Затем — осознание культурного отличия собственной локальной общности: только 12,6% опрошенных среди донских армян считают армян Юга России и Армении единым народом; 84% респондентов указывают на то, что «это разные народы». Соотношение этих позиций среди причерноморских армян другое — 24,7 и 64,7% соответственно. Отличаются также и автостереотипы донских и причерноморских армян. Так, создавая свой коллективный портрет, респонденты представители донских армян и представители причерноморских армян сделали акцент на несколько разных чертах как наиболее распространенных для представителей своих этногрупп.

Донские армяне иначе, по сравнению с причерноморскими, оценивают степень сохранности своей культуры. Ее постепенное угасание диагностировали 18,7% опрошенных (у причерноморских — 24%); ее воспроизводство выделили 34,3% донских армян и только 16,7% причерноморских. Правда, данное различие практически не оказало влияние на оценку молодого поколения как носителей своеобразной культуры донских армян.

В настоящее время бытовое общение в сельских населенных пунктах Ростовской области с компактным расселением армян стро-

ится на армянском языке. В с.Чалтырь сохраняется национальный музей, работают театральная и фольклорные группы на национальном языке (местном диалекте), административные органы сформированы преимущественно из представителей армянской национальности. Большая часть опрошенных донских армян (52,7%) указала, что значительные события в своей жизни она отмечает в соответствии с национальной обрядовостью

Таким образом, процесс формирования донских армян как субэтнической общности показывает, что им удалось в силу различных причин внешнего и внутреннего характера выработать и поддерживать (в сельских поселениях) такую этническую дистанцию, которая позволяет сохранять и воспроизводить культурную самобытность при полной интегрированности в региональное культурное сообщество.

Четвертый параграф «Социокультурная адаптация армян-мигрантов: опыт социологического исследования» посвящен сравнению факторов адаптации исторически сложившихся региональных субобщностей армян и новой волны армянской миграции, которая привела к резкому увеличению численности армян на Дону, Кубани (с 182,6 тыс.1989 г. до 300 тыс. в 1992 г.) и на Ставрополье (с 70,2 тыс. в 1989 г. до 111,2 тыс. в 1999 г.).

Автор отмечает существенное различие условий интеграции в южно-российский регион армян-мигрантов в предшествующие века и в настоящее время. В прошлые века армянские переселенцы (за исключением, пожалуй, черкесогоев) осваивали этот регион одновременно с его освоением русским населением и целенаправленной политикой Российской империи. Российская государственная власть стимулировала процесс переселения армян и учреждала льготы для этого. Одно из главных следствий этой политики — совместный процесс освоения региона, при котором экономика формировалась как соединяющееся пространство этнопрофессиональных ниш, где этнические группы располагались, не конкурируя друг с другом, по принципу дополнителности. Армяне в этом экономическом пространстве локализовывались в сфере торговли и услуг, в отдельных отраслях сельского хозяйства и ремесла. Такой адаптационный процесс формировал баланс этнических групп.

Сегодняшние миграционные процессы армян из сопредельных государств (Грузии, Армении, Азербайджана) имеют отличия. Во-первых, современные мигранты изначально достаточно адаптированы к новым местам переселения, поскольку выезжают из республик, ранее входивших в состав СССР. Во-вторых, миграцион-

ные потоки армян 90-х годов внутренне отличаются по мотивам миграции. Среди мигрантов можно выделить стрессовую миграцию, вызванную межэтническими конфликтами: армяно-азербайджанским (1988 г.), событиями в Сумгаите, Грузии и Узбекистане (1988–1990 г.г.). Но затем последовал процесс миграции, вызванный ухудшением экономического положения в соседних с Россией государствах, при котором переезжала экономически сильная группа населения, обладающая финансовыми ресурсами для эффективной экономической деятельности на новом месте. Адаптировались эти два потока мигрантов к новым условиям жизни по-разному. Большинство новых армян-переселенцев — городские жители, стремящиеся поселиться в городах с развитой инфраструктурой, т. е. там, где уже есть избыток населения, что привело к резкой нагрузке на социальную инфраструктуру, рынки труда и жилья и вызвало в итоге рост социальной напряженности.

В-третьих, миграционная волна экономически активных армян совсем не случайно развернулась в 90-е годы, которые для всего экономического пространства России совпали с переходом к рыночному механизму хозяйствования. Юг России, особенно его русский субрегион, выступил точкой притяжения этой группы, поскольку здесь русское большинство населения на первых парах экономических реформ было значительно хуже приспособлено к рыночной деятельности, что тем самым потенциально способствовало притоку экономически активных мигрантов из соседних регионов. Переселяясь в регион, армяне составили конкуренцию местному населению, вмешиваясь в сложившиеся экономические, социальные отношения.

Исследования экономической деятельности мигрантов показывают, что мигранты-армяне имеют деловой потенциал примерно в 2–3 раза выше, чем русские, при этом эффективность применения его на практике в 1,5–2 раза превышает аналогичный показатель среди русских. Например, в Ставропольском крае армяне-предприниматели выступают владельцами 12% «этнических» фирм в регионе, уступая при этом чеченцам и даргинцам (соответственно 20 % и 15 %). Открытие фирм связано с торгово-посреднической деятельностью, автомобильным сервисом, ремонтом обуви и пошивом одежды¹. Успешной адаптации вновь прибывших армян-мигрантов способствует помощь родственников, которая выражается в их финансовой и моральной поддержке.

¹ Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов//Общественные науки и современность. 2000. № 5, с. 83.

Интенсивный рост армянской части населения за счет мигрантов вызвал нарушение баланса этнических групп, сложившегося на Юге России. Механический прирост армян продолжался на протяжении всех 90-х годов, несмотря на ужесточение условий прописки и введение визового режима, например, на Кубани, что стимулирует рост антиармянских настроений.

Стремление к расширению профессионально-производственной ниши за счет рискованных адаптационных стратегий мигрантами новой волны приходит в противоречие с ориентацией коренных армян на легальные способы повышения имущественного и социального статуса, что вызывает негативное отношение, в том числе и коренного армянского населения региона к мигрантам, некоторой дистанцированности от них.

В течение 2000–2001 г.г. нами было проведено изучение общественного мнения по проблемам адаптации новой волны армян-мигрантов различных групп армянского населения региона: коренных армян, расселенных в настоящее время в Туапсинском районе и г. Туапсе и Ростовской области (С. Чалтырь), сформировавшихся на основании диаспоры причерноморских (амшенских) и донских армян; армян, представляющих в Туапсе новый миграционный поток. Первую группу составили 300 респондентов (35,3% — мужчины, 64,7% — женщины), вторую группу — 225 респондентов (43,6% — мужчины, 55,1 — женщины), третью группу — 249 респондентов (43,8% — мужчины и 56,2% — женщины). В выборке были пропорционально представлены все возрастные группы, начиная с 16 лет, и все образовательные группы населения. Исходя из цели исследования, опрос проводился по разведывательному типу.

Сравнение доминант этнического самосознания показывает интегрированность коренных армян в региональную общность, которая формируется при доминирующей в сознании позиции территории настоящего проживания, признание которой переносит акценты этничности на внешние маркеры, по которым легко отличаются одни группы населения от других — внешнему облику и стилистике поведения. Коренным армянам важна не столько связь с «материковым этносом», сколько с региональной общностью, в которой у данной этнокультурной группы сложилось уже определенное место. Для армян-мигрантов наряду с отличительными маркерами (отсюда большая насыщенность общности по языку) более важна связь с территорией исхода. Поэтому более выраженными являются общностные признаки по «родной территории» и «общей исто-

рической судьбе». Эти позиции выступают основой для формирования диаспорного самосознания.

Поэтому не случайно армяне-мигранты в значительно большей степени ориентированы на связь с исторической родиной и больше испытывают ее влияние, чем коренные армяне. Это влияние осуществляется через повседневное общение, прибывших из Армении и коренных армян, через помощь мигрантам коммерческих кругов Армении, через поддержание связей с родственниками из Армении.

Автор, сравнивая коренных армян Юга России и вновь прибывших мигрантов из стран ближнего зарубежья, показывает их значительные этнокультурные отличия (языковое, поведенческое, уровень религиозности, степень межэтнической брачности). Но главное отличие мигрантов от южно-российских армян все же в их более высокой предприимчивости, деловой хватке. Это качество сочетается с высоким трудолюбием и большей авантюристичностью, склонностью к рискованной экономической деятельности, что проявляется, в том числе, и в криминализации экономической деятельности. Достаточно часто встречаются и такие проявления, как пренебрежение интересами местного населения, открытая демонстрация материального превосходства, что вызывает ответное недоброжелательство, напряженность в отношениях. Можно утверждать, что неоднозначные действия некоторых групп армян-мигрантов нанесли определенный урон устойчивому положению исторически сформировавшихся армянских диаспор. Следствием этого является негативное отношение коренного населения к армянам в целом. Однако рискованные адаптационные стратегии, характерные для мигрантов новой волны, обладающих финансовыми ресурсами, не свойственны основной части коренных армян, которые к подобному сращиванию легального и нелегального бизнеса относятся крайне негативно, боясь потерять статус и ресурсы, накопленные в диаспоре законным путем. Данное противоречие вызывает также негативное отношение к мигрантам и коренных армян.

Проблемы, возникающие в связи с приездом и экономической активностью армян-мигрантов, осознают все группы армянского населения. Но негативная их оценка значительно выше среди донских армян, которые также отличаются предприимчивостью, сплоченностью, родственной взаимопомощью. Так, отрицательно относятся к приезду армян 22,0% респондентов из причерноморских армян и 60,0% — из донских армян.

Вскрывая мотивы негативизма со стороны коренных армян, автор показывает, что они различны в разных районах. Причерно-

морские армяне, признавая позитивные последствия миграции армян и указывая на то, что она способствует развитию экономической активности местных армян (19,6%) и возрождению этнического самосознания (15,8%), на первый план среди негативизмов выдвигают возникновение «жесткой конкуренции в прибыльных сферах деятельности» (17,1%). Донские армяне значительно ниже оценивают позитивный потенциал приезда мигрантов, усматривая его преимущественно лишь в активизации этнического самосознания (13,2%). Вместе с тем, в оценке мигрантов доминируют негативные позиции: «Их приезд формирует межэтническую напряженность на бытовом уровне» (29,6%); «Их деятельность способствует развитию коррупции во властных органах» (26,0%).

Анализируя результаты опроса различных групп населения, автор отмечает общий тревожный фон межнациональных отношений, который с точки зрения значительной части опрошенных различных групп в перспективе будет ухудшаться (до 20,0%) или сохранять напряженность (от 25,0% до 34,0%).

Эта ситуация делает необходимым для административных органов принимающих мигрантов регионов разработку и апробацию сценарных стратегий, направленных на адаптацию мигрантов к региональной социально-культурной и экономической среде. Цель адаптационной стратегии — постепенная переориентация мигрантов от установок на связь с исторической родиной на укоренение в регионе прибытия. Диаспорное сознание мигрантов должно быть заменено формированием самосознания региональной субкультурной общности.

В заключение диссертации сформулированы основные результаты проведенного исследования и намечены перспективы дальнейшей разработки темы.

**По теме диссертации
опубликованы следующие работы:**

1. Хастян А. А. Причерноморские армяне: особенности культуры//Сборник научных работ аспирантов и преподавателей. Ч. 4., Ростов н/Д. 1999. 0,8 п. л.

2. Хастян А. А. Армянские субобщности на Северном Кавказе// Научные чтения «Этнополитический процесс на Северном Кавказе» (Ростов-на-Дону, ноябрь 1997). Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 1998. № 2. 0,1 п.л.

3. Хастян А. А. Особенности культур армянских диаспор на Северном Кавказе. Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия». Ростов-на-Дону, 22-23 декабря 1999. Ростов н/Д., 2000. 0,1 п. л.

4. Хастян А. А. Диаспора в структуре населения региона: становление региональной субобщности (теоретико-методологический аспект). Ростов н/Д: РГПУ, 2001. 2 п. л.

2-